

ОТВЕТ В. КИРПОТИНУ

«Нечисто, князь...»
Пушкин, «Борис Годунов».

1

В шестом номере «Литературной газеты» В. Кирпотин поместил статью «О народности в искусстве». Если верить названию, то здесь должно быть, наконец, изложено, что понимает Кирпотин под «народностью», какие положительные взгляды отстаивает он в ходе дискуссии, одним словом, что сам-то В. Кирпотин имеет за душой, когда с таким апломбом расправляется с авторами, не разделяющими его мнений.

По решительному заявлению Кирпотина, у Кеменова нет мужества и прямоты (... в признании правым т. Кирпотина) и т. п.

От человека, столь требовательного к другим, читатель ждет примера стройной концепции, объективно, мужественно и благородно изложенной. Выпишем бережно мнение Кирпотина. «Для всех нас народность является чем-то (!) положительным. Мы говорим о народности применительно к творчеству того или иного писателя, чтобы отметить его достоинства, чтобы воздать ему хвалу. Все?—Все».

...Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!

И какая дисциплина мышления... Определение, предложенное Кирпотиним, состоит из трех моментов:

- 1) Народность является «чем-то».
- 2) Это «что-то» — положительное.
- 3) Оно применяется для похвал.

Нельзя отказать Кирпотину в мужестве и прямоте. Он первый выболтал откровенно тот рецепт либерального славословия, которым молча пользовались его товарищи, поливая сахарным сиропом «народности» писателей и художников прошлого. Рецепт этот возник недавно, после разгрома вульгарной социологии, в результате приспособления социологов к духу времени и является новой формой вульгарно-социологического опошления марксизма. Вот почему признание Кирпотина заслуживает внимания.

Еще 5—6 лет назад вульгарным социологам понятие «народность» казалось кощунственным. Этой подозрительно-внеклассовой категории они предпочитали свои излюбленные «прослойки», с помощью которых так удобно было доказывать защиту писателями эксплуататорских классов. При этом похвалы доставались тем писателям, которые были зачислены в «передовые боины» прогрессивной, восходящей, молодой, революционной и т. д. буржуазии, а порицания — людям, которые «осмелились» критиковать капитализм в то время, когда он был еще прогрессивным. Не понимая противоречивой природы прогресса в классовом обществе, вульгарные социологи были прямо одержимы разоблачительским зудом по отношению к художникам, не умевшим в привычную схему идеологов «восходящей» буржуазии и буржуазной демократии. Колесания в мировоззрении таких писателей, как Пушкин или Толстой, консервативные, религиозные элементы их мышления использовались вульгарными социологами как доказательство их классового своекорыстия и реакционности. В памяти еще свежи попытки доказать, что «Гамлет», «Фауст» или «Евгений Онегин» созданы именно благодаря своекорыстным идеям имущих верхов. Естественно, что при таком взгляде на историю искусства о реализме и народности не могло быть и речи, а так называемый «классовый анализ» сводился к слепой апологии буржуазно-демократического подъема и к прокурорскому разоблачению Шекспира, Пушкина, Толстого.

Но иные времена — иные песни. И вульгарные социологи из одной крайности кинулись в другую. Наступ перестроившийся, они лишь поверхностно восприняли совершенно правильное положение (выдвинутое в борьбе против них же) о том, что великие произведения искусства возникли не благодаря, а вопреки реакционным элементам в мировоззрении художников. А раз «вопреки», то стоит ли о них говорить? Вместо прежнего злорадного обвинения настала эра «воздания похвал». Реализм! гуманизм! прогрессивные убеждения! народность! — по всякому поводу восклицают недавние разоблачители. Но из этих слов выхвачен всякий смысл. «Реализм» и «народность» берутся вне изучения жизни, движения народных масс, вне учета всего многообразия их исторических форм. «Гуманизм» и «про-

грессивные убеждения» используются для декламации в духе либерального славословия. Важные категории общественной мысли были, таким образом, разменены на звонкую монету похвалы и стали беллетристическими эпитетами.

Не нужно думать, однако, что эти эпитеты безвредны. Влейная политур, состряпанная по рецепту кирпотинской «народности», обладает едкостью купороса и азотной кислоты. Она разъедает без остатка все различия эпох, стилей, школ, художественных индивидуальностей. Она нивелирует не только форму искусства — поэтическое своеобразие самых разных писателей, но и их мировоззрение, характер их народности. В этом липком тумане все одинаково «народно», «прогрессивны», «реалистичны» и «демократичны». Словом — все кошки серы, и о мировоззрении Пушкина Кирпотин со спокойной совестью может писать «то же самое», что и о мировоззрении Некрасова или Щедрина.

2

Больше всего возражает мне т. Кирпотин по вопросу о «рассудке» и «предрасудке» в народном движении и отображении их в искусстве.

Кирпотин приводит следующий отрывок из моей статьи:

«История искусства знает много примеров, когда народность генетически обуславливалась не только сильными прогрессивными тенденциями писателя, его реалистическую зоркость, но и консервативные и даже реакционные стороны его деятельности, утопизм его выводов и слепое непонимание существующих явлений жизни. И для того, чтобы понять взаимную связь этих противоречивых тенденций и определить, что в них принадлежит прошлому, а что будущему, Ленин показал двойственный характер народности. Народность в искусстве великих писателей отражает не только рассудок масс, но и их предрасудок».

Приведа цитату, Кирпотин так ее объясняет:

«Кеменов противопоставляет «предрасудок» «рассудку», чтобы вытануть «предрасудок», чтобы подчеркнуть положительное значение «предрасудка» в процессе формирования великих явлений искусства».

Это бредовое обвинение Кирпотин подтверждает следующим рассуждением:

«Кеменов ссылается на статью Ленина о Толстом. Посмотрим, что пишет Ленин», — и Кирпотин, приведя известные слова Ленина о кричащих противоречиях в произведениях, взглядах, учениях, школе Толстого, заявляет:

«Эря, эря ссылаются Кеменов на Ленина. Он грубо искажает смысл ленинских статей... У Ленина — «помощник юродствующий во Христе», у Кеменова — народность; у Ленина — «истасканный, истерический хлюпик», у Кеменова еще раз народность; у Ленина — «юридическая проповедь», у Кеменова опять народность; у Ленина — религия, омерзительная поповщина, у Кеменова снова народность. Остается еще назвать «народность» в искусстве сочувственное изображение самодержавия и веру в колдунов и ведьм», — победоносно заключает В. Кирпотин, считая обвинение доказанным.

Нет уж, позволите, т. Кирпотин. Одним менторским «эря, эря» вы не отделаетесь. Давайте разберемся, кто из нас «грубо искажает смысл ленинских статей».

Констатацией противоречий в творчестве и взглядах Толстого начинаются ленинские статьи. Смысл этих статей неизмеримо более глубокий, он состоит в выяснении основы этих противоречий, в раскрытии причин, их породивших, в анализе объективных, жизненных противоречий, которые отразились в противоречиях творчества Л. Н. Толстого. Вот почему ленинские статьи проливают яркий свет на характер первой русской революции, на особенности массового крестьянского движения и находят в самом этом движении «исторический грех толстовщины».

Что же делает В. Кирпотин, пекущийся о смысле ленинских статей? Он обрывает ссылку на Ленина в начале анализа (фиксация противоречий) и уклоняется от ответа на вопрос, чем они вызваны, где их корни, как они связаны с народным крестьянским движением. Обо всем этом в статье Кирпотина ни слова. А жаль. В свое время Ленин высмеивал либералов за их стремление «заглушить» потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызывается кричащее противоречие «толстовщины». Зато эта фигура умолчания облегчает Кирпотину его задачу.

— Ха-ха-ха, — потешается Кирпотин: — у Ленина — «хлюпик», а у Кеменова на-

родность, у Ленина — «юридическая проповедь», у Кеменова опять народность...

Напрасно радуется, т. Кирпотин. Если бы вы потрудились дочитать до конца статью Ленина, на которую ссылаетесь, то поняли бы, что для Ленина связь Толстого с народным крестьянским движением проявляется одновременно: и там, где Толстой — великий художник, смело и страстно обличающий капиталистический гнет, правительственные насилия, комедию, суда и государственного управления, и там, где он — истеричный «хлюпик», призывающий к непротивлению злу, проповедующий поповщину и уход от жизни. Обе стороны противоречий Толстого отражают своеобразный характер крестьянского массового движения, как бы это ни шокировало В. Кирпотина.

«В произведениях Толстого, — писал Ленин, — выразились и сила, и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского массового движения». Статьи Ленина, объяснив глубину реализма Толстого в связи с переломом во взглядах миллионов крестьян, этой же причиной объясняют, откуда возникли утопические, реакционные стороны его воззрений.

«Толстой, — пишет Ленин, — отражает их (крестьянских масс.—В. К.) настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира «непротивление злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого».

Итак, слилось, т. Кирпотин? Значит, Толстой вносит в свое мировоззрение и рассудок масс (их «беспощадно резкий протест» против государства и церкви и т. д.) и предрасудок (их мистицизм и т. д.). Разве этот противоречивый характер народности отразился только в произведениях Толстого? Вспомним, что писал по аналогичному вопросу Энгельс: «Вообще говоря, поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, т. е. для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрасудки масс того времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов» (Соч., т. XXVII, стр. 468). Итак, отсюда, т. Кирпотин?

Разве Энгельс здесь говорит не то же самое, что говорил Ленин, утверждая, что Толстой так верно отражает настроение крестьянских масс, что вносит в свое учение также и предрасудки масс? Или, может быть, Кирпотин думает, что можно было в то время с такой силой выразить настроение патриархальной крестьянской массы, ограничившись одними сильными сторонами? Вините тогда историю. Если бы она совершалась по нашим рецептам, то, надо думать, Шекспир, Пушкин и Толстой удалось бы подняться до передовых взглядов т. Кирпотина. Можно себе представить, какой бы расцвет мировой литературы это вызвало...

Именно ленинский анализ народности творчества Л. Н. Толстого отметил силу и слабость, «рассудок» и «предрасудок» не только в произведениях и мировоззрении великого писателя, но и во взглядах миллионов масс русского крестьянства.

Если В. Кирпотин серьезно думает, что признание наличия предрасудков и слабых сторон у мощного народного движения и отражения этого противоречия в искусстве равносильно тому, чтобы «вытануть предрасудок», чтобы подчеркнуть положительное значение «предрасудка» в создании явлений искусства, — то наш строгий ортодокс, проявляя свойственную ему «теоретическую последовательность», впадает в очень серьезные противоречия по отношению к тому, что утверждали Энгельс и Ленин.

3

Искажение смысла ленинских статей о Толстом, учиненное Кирпотиним, говорит о многом.

Кирпотин согласен признать, что «в сознании масс, так же как и в сознании их идеологов... «рассудок» уживается одновременно с «предрасудком». Он только против того, чтобы эта противоречивость коснулась понятия народности, называние которой чисто хвалебное. Поэтому Кирпотин начисто устранил противоречивый характер развития народности в истории. Такое понимание народности враждебно марксизму, так как является чистойшей вульгарно-демократической фразой и не имеет ничего общего с классовым марксистским анализом. Не случайно антисторизм и вульгарная фразеология в толковании народности приводят Кирпотина к

механическому перенесению понятия социалистической народности в историю и отождествлению социалистической народности с различными формами народных движений прошлого. (На этом отождествлении строится, между прочим, большинство софизмов Кирпотина, касающихся советских художников и писателей: — раз Кеменов говорит о предрасудках в связи с народностью, значит он хочет, чтобы советский писатель защищал в своем творчестве пережитки капитализма и т. д.). Успокойтесь, т. Кирпотин. Между народностью социалистической и народностью, присущей таким писателям, как Толстой, существует коренное различие. В чем же тогда, по-вашему, заключается отличие наших писателей от их предшественников, если народность социалистическая ничем не отличается от форм народности прошлого, имеющих другие исторические и классовые особенности? Только люди, отрицающие двойственный, противоречивый характер народности в прошлой истории, могут не заметить этого коренного различия. Значение народности всех прогрессивных движений прошлого — относительно. В преодолении двойственности и противоречивых сторон народных движений прошлого и состоит особая историческая роль народного движения, руководимого коммунистической партией. Как это происходит на деле, как партия помогала массам изжить «их буржуазно-демократические и парламентские предрасудки» (Ленин, XXV, 202), облегчая их движение к социалистической народности, вы, т. Кирпотин, можете узнать из работ Ленина и Сталина, посвященных тактике партии в апреле 1917 г. по вопросу об учредительном собрании. Именно на основе новой, социалистической народности стало возможным — и осуществляется — развитие социалистического реализма.

4

Нет надобности опровергать здесь все измышления В. Кирпотина о генезисе и функции, объективизме и т. д. Приведу лишь один-два примера, характеризующих морально методы полемики В. Кирпотина.

В моей статье написано: «прогрессивные элементы, живущие порой стихийно в мыслях и чувствах народа...» (т. е., значит, не всегда сознательно). В изложении Кирпотина: «...элементы живут в мыслях и чувствах народа только порой».

В моей статье читаем: «эти-то прогрессивные элементы... обязательно присутствуют даже в самом консервативном мировоззрении великих писателей...» (т. е., значит, великий писатель обязательно отражает прогрессивные элементы). В обработке Кирпотина: «Зато у консервативных писателей они присутствуют обязательно». Ловкость рук, проявленная здесь Кирпотиним, действительно «преlestна в своей простосердечной откровенности».

Вот еще фокус. Писатель Андрей Платонов в 1937 году в журнале «Литературный критик» поместил статью о Горьком. (Статья его подверглась в журнале «Большевик» критике, которую я вполне разделяю). Между моей статьей (от 21/1 1940 г.) и статьей т. Платонова нет ровнехонько никакой связи. Если связь нет — ее надо выдумать, решил В. Кирпотин и бухнул: «После теоретических обоснований, подытоженных Кеменовым, Андрей Платонов писал...» и т. д. Кирпотин нам возражает: даты не имеют значения, статья Платонова напечатана в «Литературном критике», в ходе дискуссии Кеменов на стороне этого журнала и т. д.

Но в журнале «Литературный критик» было напечатано немало плохих статей В. Кирпотина. Неужели же я должен нести ответственность за все то, что в них содержится? «Нечисто, князь...»

Всякая полемика имеет свою логику и свою этику. «Логика» В. Кирпотина не нуждается в опровержении, она сама себя опровергает. Что же касается этики, то... представим о ней судить читателю...

Грубые искажения марксизма, ничемность собственных взглядов, неумение свести концы с концами, раздражение, истерика и другие признаки уязвленного самолюбия — все это прикрасы в статье Кирпотина дешевыми софизмами, подтасовкой цитат, запугиванием, демагогией, крикливыми пустяками. Весь этот шумовой оркестр показывает, что у Кирпотина и его сторонников есть необходимость прикрыть свои ошибки, делая веселую мину при плохой игре. А игра ваша — плохая, т. Кирпотин. И этого обстоятельства нельзя скрыть никакими увертками.

В. КЕМЕНОВ